

**О ПРОФЕССОРЕ ЛГПИ им. А. И. ГЕРЦЕНА ФЕДОТЕ ПЕТРОВИЧЕ ФИЛИНЕ
(из воспоминаний и размышлений)**

Судьба исследователя и судьба профессора (речь идет не о двух разных людях, а об одном и том же человеке), хотя и тесно взаимосвязаны, но каждая может восприниматься в определенном смысле автономно, тем более если иметь в виду оценочный ориентир. В данном же случае прибавляется еще один ракурс – административный: Ф. П. Филин с 1964 по 1968 г. возглавлял Институт языкознания АН СССР, а с 1968 по 1982 (год смерти) – Институт русского языка (тоже академический).

Жанр этих заметок, определяемый, главным образом, воспоминаниями, выбран неслучайно: автор был одним из тех, кто принадлежал выпуску 1948 года, т. е. 26-му выпуску факультета русского языка и литературы советского периода ЛГПИ им. А. И. Герцена.

Ф. П. Филин читал тогда лекции по истории русского языка и спецкурс по исторической диалектологии. Этот последний читался на выпускном четвертом курсе наряду с литературоведческими спецкурсами (которые обычно студенты посещали охотнее), но собрал тем не менее едва ли не самое большое количество слушателей. Ф. П. Филин был любимейшим профессором нашего послевоенного курса. Последний раз (года четыре тому назад) я в этом убедилась еще раз. И вот при каких, необычных для названного сюжета обстоятельствах.

Меня обследовали в Александровской больнице, в связи с чем я попала на прием к кардиологу Ирине Вадимовне Афанасьевой. Взглянув в мою историю болезни, она как-то проникновенно и заинтересованно спросила: «Вы до сих пор работаете в Герценовском?» Я ответила: «Да», а она пояснила: «Моя покойная мама окончила его и до конца жизни хранила лекции своего любимого профессора. Теперь их храню я, как память о маме». Естественно, я спросила: «Чьи же это лекции?» И получила ответ: «Ф. П. Филина». До конца своего пребывания в больничных стенах я находилась под впечатлением этого признания. Конеч-

но, мне были известны случаи, когда бывшие студенты хранили лекции своих бывших лекторов. Но вот чтобы эти записи потом становились дорогой семейной реликвией?! С этим я еще не сталкивалась никогда.

Эта случайно рассказанная мне история стала дополнительным поводом задуматься над феноменом профессора Ф. П. Филина.

Представляется, что повествование о профессоре — именно профессоре — должно включать в себя по крайней мере три момента:

- привлекательность его педагогического мастерства, непременно включающего характер его общения со студентами;
- общую оценку его научной деятельности, так или иначе отражающейся в лекционных курсах и проводимых семинарах;
- представление о его личностном и гражданском облике, что особенно важно для размышлений об ученых, которым выпало на долю жить в труднейшее историческое время, в переломный период.

Отсюда противоречивость в их восприятии современниками, проявление односторонности в суждениях о них, иногда сопровождаемых не всегда справедливыми, а то и оскорбительными нападками. Но обо всем по порядку.

По отношению к профессорам, лекции которых остаются в памяти студентов на всю жизнь, несколько наивно говорить о педагогическом мастерстве, ориентируясь на известные дидактические категории: доступность, научность, наглядность, практическая целесообразность и др. В лекциях Ф. П. Филина все эти принципы были так или иначе реализованы. Но его успех как лектора определялся не этим, или не только этим. (Да, конечно, его лекции и проводимые спецсеминары были научны, практически целенаправленны, включали в себя элементы наглядности и т. п.) Но главный секрет не в этом. В чем же, однако? Ответ на этот вопрос может быть много — восприятие вещь не столько объективная, сколько субъективная. В моем представлении Ф. П. Филин владел уникальным секретом: создавать *особое настроение* в аудитории — несколько праздничное, несколько взволнованное, а главное — порождающее радость познания. К сожалению, наименование важнейшего внутреннего душевного состояния человека используется в педагогическом общении, как правило, лишь в выражении «рабочее настроение», чем принижается подлинный смысл его. А между тем слово *настроение* в своем исходном значении должно включать в себя не только семантический компонент *душевное состояние*, но и компонент *настроенность духа*. Если иметь в виду этот семантический объем слова *настроение*, то можно использовать его для обозначения высшего «супердидактического» принципа. У Ф. П. Филина это достигалось, на мой взгляд, тремя бросающимися в глаза его собственными «увлеченностями»: любовью к слову (умением каждый раз посмотреть на него как на некое чудо), какой-то почти детской радостью приобщения к мировой культуре и неким эстетизмом в оформленности лекторской речи — вплоть до ее интонационного облика.

Любовь Ф. П. Филина не только к «родному пепелищу» и «отеческим гробам», но и к родному языку (с учетом его многочисленных местных говоров и истории) была широко известна не только его слушателям, но и коллегам.

Вспоминаю такой эпизод. В перерыве в коридоре литературного факультета я стою с проф. В. А. Десницким (основателем и многолетним деканом этого факультета), семинары которого, будучи уже аспиранткой, я посещала, и он мне рассказывает некоторые подробности об истории наших зданий и их обитателях и гостях, среди которых были

и Екатерина II, и граф Григорий Орлов, и М. И. Кутузов, и даже польский революционер Тадеуш Костюшко, попавший в плен после поражения польских повстанцев, и многие, многие другие. Проходящий мимо Ф. П. Филин остановился около нас. Тогда, мгновенно переключившись на нового собеседника, В. А. Десницкий заметил: «Федот Петрович, а как вам в языковом отношении понравится объявление в тогдашних "Санкт-Петер-бургских вестях": "Бывшего придворного фактора Штегельмана жена и вдова продает каменный дом, стоящей на Мье реке, со всеми службами и с садом, в коем каменные оранжереи с разными фруктами и притом пруд с рыбою, желающие оный дом купить, о цене договориться могут с оною г. Штегельманшоу"»¹ (речь шла о так называемом 2-м корпусе нашего университета, позже перестроенном, но в первоначальном виде построенном по проекту Б. Растрелли почти одновременно со Строгановским дворцом в 1750-х гг.).

Мои наставники обратили и мое внимание на языковые особенности объявления: на устаревшее слово *фактор* — комиссионер, поставщик, исполнитель чьих-то поручений — Г. Х. Штегельман и был придворным поставщиком; *Мье* — старое название Мойки, хотя в этот же период употреблялось и слово *Мойка*; отсутствие сугубо просторечной окраски в форме *Штегельманша*. А я лишний раз убедилась в том увлечении словом, которое было свойственно Ф. П. Филину. О слове он был готов говорить в любой обстановке, в любое время.

Когда мне привелось познакомиться с отрывками из дневников Ф. П. Филина, опубликованных в книге, посвященной его памяти², я еще раз поняла, что девизом его жизни были слова: «Так страстно хочется учиться» (1928 г.). Жизнь в этом отношении благоволила талантливому юноше. Живя в деревне, он, на удивление окружающим, оказался весьма начитанным человеком — недалеко сохранилась библиотека бывшего помещика, переданная школе. Интересно описание его ощущений перед экзаменом в вуз: «Грозу» Островского, увы, не читал, «Войну и мир» читал, правда, давно, зато Гомера знал почти наизусть. Читал он всегда, даже на фронте, где особенно оценил перевод «Гамлета», сделанный Б. Пастернаком. На лекциях он об этом, естественно, никогда не говорил, но на спецсеминарских занятиях, где нет-нет да возникали вопросы студентов о военном периоде — молодежь тогда очень трепетно относилась к возвратившимся фронтовикам, иногда одетым еще в военные шинели, — он иногда позволял себе реплики «не совсем на тему»: так мы узнали, что он собирал «солдатский фольклор» (не для девичьих ушей, как он выразился), что знал наизусть отрывки из «Гамлета» именно в переводе Пастернака и т. д.

На лекциях его приобщенность к мировой культуре и стремление сделать к ней открытыми студентов сказывались по-другому. Именно от Федота Петровича мы впервые услышали об оригинальном сравнении Аристотеля индивидуальности звука при использовании одного и того же языка разными его носителями с «индивидуально» написанной буквой, что создает неповторимость, уникальность почерка, который можно подделывать (но с вероятностью разоблачения).

Ф. П. Филин не позволял себе искусственных отступлений во время лекций — естественными же он считал лишь те, которые вводили студентов в лабораторию научных исследований. Он мог, например, принести с собой диссертацию, по которой он должен был выступать оппонентом, и поделиться по поводу ее своими соображениями. Нам это очень льстило — нас воспринимали почти как зрелых лингвистов, как равноправных коллег. И кто? Автор фундаментальной книги «Лексика русского литера-

турного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей)», один из ведущих составителей академического «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти томах (БАС), первый том которого вышел в 1948 г., инициатор «Диалектологического атласа русского языка» (к тому времени Ф. П. Филин еще не написал большинство своих книг, не был еще и главным редактором БАС (им стал он начиная с 6-го тома), но был известнейшим диалектологом, лексикологом, историком языка).

Теперь о самом щекотливом в оценке Ф. П. Филина — о его гражданской и общественно-политической позиции. В ленинградский период его деятельности коллеги и ученики относились к Федоту Петровичу с большим уважением и симпатией: фронтовик-доброволец, талантливый самородок, человек необычайного трудолюбия и энергии, обаятельный, лишенный всякого чванства собеседник. О московском периоде могут лучше судить и имеют на это право работавшие с ним и близко знавшие его люди. Не скрою: до ленинградцев доходили слухи о некоторых «административных перекосах», допускаемых директором Института русского языка. Это обескураживало и огорчало. Но ленинградцы располагали и контраргументами. На ленинградской лингвистической сцене Федот Петрович не раз проявлял заботу о людях, попавших в «идеологическую беду». Приведу пример такого рода. В ЛГПИ им. А. И. Герцена в 1950–60-е гг. возглавлял кафедру немецкого языка Н. М. Александров, который, возмущившись каким-то казусом тогдашней действительности, написал в горком партии анонимное письмо, где излагал не только факт, его поразивший, но позволил себе обобщения, которые органы квалифицировали как «антисоветские». Его «опознали», прислали грозную бумагу в институт. Ректору с трудом удалось оставить его на преподавательской работе. Правда, он был снят с должности заведующего кафедрой и при этом оказался человеком с весьма «подмоченной репутацией», как тогда выражались. Но в конце 1964 г. он представил в совет докторскую диссертацию. Начались трудности с подбором оппонентов. Хорошо, однако, помню, что сразу откликнулись на приглашение В. М. Жирмунский и Ф. П. Филин. Такого рода его поступки приводили ленинградцев к убеждению, что в Москве Ф. П. Филину приходилось выступать во вверенном ему институте в качестве режиссера поневоле, под натиском вышестоящих органов.

Кроме того, ленинградцы хорошо знали жизненный путь Федота Петровича, выходца из безграмотной бедной крестьянской семьи. Подросток, уходивший из родной деревни, написавший в знак прощания стихи:

*До свиданья, голубые васильки!
«До свиданья!» — прокричали кулики.
В этот тихий предрассветный час
В поле вышел я в последний раз, —*

действительно, попал прямо из «предрассветного поля» в неуютный и совсем не тихий город, с иным ритмом, с иными отношениями между людьми, с иным укладом. словно бы жизнь надо было начинать снова. Как и все, получившие образование в те годы, он находился под давящим идеологическим прессом, вряд ли это осознавая. Не случаен выбор темы, который им был сделан при поступлении в вуз: «Я взял “Безымянский как певец комсомола”. Чувствую, что написал хорошо». А вот признание

аспиранта

Филина

2 февраля: «Я, Фэн (его студенческая кличка), комсомолец в лингвистике, хочу перевернуть мир». Именно готовность «перевернуть мир» де-

О профессоре ЛГПИ им. А. И. Герцена Федоте Петровиче Филине

лала почти естественным и активное его участие в сборниках типа «Против буржуазной контрабанды в языкознании», принадлежность к группе с весьма красноречивым названием: «Языкфронт». Да, все это было, как, к сожалению, и у многих других.

Но нам осталось в наследство, в котором ему принадлежит львиная доля приобретений, громадное лексикографическое богатство, без которого мы не смогли бы двигаться дальше. И об этом надо помнить.

Примечания

1. Тогда я, конечно, дословно не запомнила столь пространное объявление, позднее я этот текст встречала, последний раз — в книге Анатолия Иванова (Дома и люди. Из истории петербургских особняков. М.: ЗАО Центрополиграф, 2007. С. 152).

2. Памяти Федота Петровича Филина: К 100-летию со дня рождения. М.: Вагриус Плюс, 2006. С. 18.